

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
4. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики : Принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета БССР девятого созыва 14 апреля 1978 года. — Минск : Беларусь, 1989. — 47 с.
5. О политических партиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 окт. 1994 г., № 3266-XII : в ред. от 19 июля 2005 г. № 35-3 : с изм. и доп. от 4 нояб. 2013 г. № 71-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
6. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-XII : в ред. от 19 июля 2005 г. № 36-3 : с изм. и доп. от 4 нояб. 2013 г. № 71-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
7. Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения [Электронный ресурс] : Конвенция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, 20 окт. 2005 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
8. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31 окт. 2002 г. № 137-3 : с изм. и доп. от 22 дек. 2011 г. № 328-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
9. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.
10. *Бородач, М. В.* Публичная собственность как элемент Российской государственности: аксиологический анализ и конституционно-правовая природа / М. В. Бородач // Право и политика. — 2014. — № 11 (180). — С. 1670–1674.
11. *Епифанова, Е. В.* Теория общественного блага и ее реализация в отраслевом законодательстве / Е. В. Епифанова, Т. Е. Павлисова // Право и государство. — 2014. — № 5 (13). — С. 113–116.
12. *Соколова, Г. Н.* Феномен модернизации в глобализирующемся мире : методологический аспект анализа / Г. Н. Соколова // Проблемы управления. — 2012. — № 3. — С. 116–123.
13. *Тихонова, Н. Е.* Социальный либерализм: есть ли альтернативы? / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. — 2013. — № 2. — С. 32–44.
14. *Миланович, Б.* Возвращение «патримониального капитализма» / Б. Миланович // Вопросы экономики. — 2014. — № 9. — С. 127–143.
15. *Колотова, Н. В.* Социально-экономические права: особенности конституционного регулирования и защиты / Н. В. Колотова // Общественные науки и современность. — 2013. — № 4. — С. 67–77.
16. *Мировая экономика в начале XXI века : учеб. пособие / С. Б. Авдашева, О. В. Буторина, Л. М. Григорьев [и др.] ; под науч. ред. Л. М. Григорьева.* — М. : Директ-Медиа, 2013. — 928 с.
17. *Нерсесянц, В. С.* Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. — 2-е изд. — М. : Норма, 2005. — 656 с.
18. *Ламуру, Х.* Экономика и право / Х. Ламуру, Р. Поль. — Heidelberg : P.v. Decker's Veriag, 1996. — 86 с.
19. *Основной Закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 года // Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков.* — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2003. — С. 101–158.
20. *Цинн, К. Г.* Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ : пер. с нем. / К. Г. Цинн. — Минск : Плюс-Минус, 1994. — Вып. 10. — 120 с.
21. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч.* — Т. 4. — 609 с.
22. *Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч.* — Т. 23. — 900 с.
23. *Фукуяма, Ф.* Конец истории / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 134–148.

15.01.2015

УДК 340.115; 343.222.1

В. П. ШИЕНОК

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ВИНА» В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Рассматривается комплекс методологических вопросов, связанных с состоянием научной разработанности и законодательного закрепления вины как правовой категории. Делается вывод о наличии серьезных методологических противоречий, показывается их влияние на состояние юридической науки и практики. Предлагается новый подход к осмыслению категории вины, основанный на понимании человека с позиций единства души и тела.

Complex of methodological questions regarding the condition of scientific readiness and legal statement of guilt as legal category is considered. The summary about existing of serious methodological contradictions is made, their influence on the condition of judicial science and practice is shown. New way for comprehension of guilt category based on understanding of human being from the point of view of soul and body unit is offered.

Вопрос о сущности вины, несмотря на отсутствие публичной научной дискуссии, был и продолжает оставаться остро актуальным как в советской, так и в современной белорусской юриспруденции. Такое положение обусловлено рядом причин. Во-первых, категория вины является краеугольным камнем института юридической ответственности в целом и ответственности применительно к отдельным отраслям права. Во-вторых, через этот термин выражается взаимосвязь субъективного и объективного, индивидуального и социального, особенного и типичного в юридической науке и практике. В-третьих, вина — специфический социальный критерий справедливости юридической ответственности в общественном и индивидуальном сознании.

Вышеуказанные и иные особенности данной категории обусловили наличие различных подходов к сущности вины, теоретических концепций и законодательных вариантов ее закрепления. Наибольшую актуальность категория вины традиционно имеет в уголовном праве. Именно поэтому первоочередное внимание в настоящей статье уделено уголовно-правовым подходам к данной проблеме. Белорусский ученый И. О. Грунтов весьма подробно проанализировал позиции законодателя, а также имеющиеся точки зрения на сущность вины в теории уголовного права, показал ее основные концепции, их исторические взаимосвязи и «географию» приоритетного распространения [1, с. 6–34]. В силу этого нет нужды вновь анализировать эти разноплановые как по существу вопроса, так и по методике исследования концепции. Он констатирует, что среди них можно выделить три основные:

- 1) теория опасного состояния, где вина трактуется как сигнал, признак специфического опасного состояния личности;
- 2) оценочная концепция вины, согласно которой вина является родовым понятием к умыслу и неосторожности и как основание уголовной ответственности заключается в упреке суда по отношению к поведению подсудимого и его негативной оценке с позиций норм уголовного закона;
- 3) психологическая теория, которая трактует вину как психическое отношение лица к содеянному, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Здесь, как и в оценочной теории, вина выступает родовым понятием к двум своим формам (умыслу и неосторожности) [1, с. 7].

В уголовно-правовой науке Беларуси господствующей является психологическая концепция вины, что неудивительно как минимум по двум причинам. Во-первых, именно эта концепция преобладала в советской школе уголовного права позднего периода (1960–80 гг.), инерционно она доминирует и в настоящее время. Во-вторых, законодательное закрепление вины как психического отношения лица к своему деянию в УК Беларуси непосредственно способствует живучести этого подхода в национальной правовой доктрине, так как традиционно большинство белорусских ученых-правоведов предпочитают ориентироваться на позицию законодателя. Однако, как уже неоднократно отмечалось в других статьях автора, произошедшие в последние десятилетия кардинальные социально-экономические и политические изменения, а также изменения в индивидуальном и общественном сознании настоятельно диктуют необходимость разработ-

ки новой методологии науки в целом и юриспруденции в частности.

Первый шаг разработки новой методологии предполагает определение ее исходного пункта, отправной точки, в качестве которой избран человек во всем своем многообразии в природе, обществе, государстве и праве. Такая методология названа гуманистической [2]. Второй шаг — переосмысление основных категорий общей юридической теории и теории отраслевых наук, в рамках которого подготовлена настоящая статья. Итак, ч. 1 ст. 21 Уголовного кодекса Республики Беларусь содержит определение вины как психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности, что полностью соответствует сути психологической концепции в науке уголовного права. Первый и наиболее важный момент заключается в том, что данное легальное определение мало что дает для понимания сущности и содержания этой категории. Иными словами, указанная норма требует многословных и не простых комментариев, так как вызывает массу вопросов не только у непрофессионалов, но и у профессиональных юристов. Основная причина такого положения — использование законодателем, а также учеными, являющихся сторонниками, психологического подхода, ряда строго не определенных, неюридических, дискуссионных терминов и положений.

Ключевым моментом в легальном определении вины и в соответствующих публикациях сторонников психологической школы является термин «психическое» (отношение), в качестве синонима которого правоведы часто используют «внутреннее», «субъективное» и другие тому подобные слова. Но сказать «психическое» и не разъяснить, что это такое, равносильно тому, что не сказать ничего. Не добавляет ясности, а лишь усугубляет ситуацию использование терминов «психическое» и «психологическое» как равнозначных [3], хотя они различны по содержанию. Эти понятия заимствованы правоведами из психологии. Однако в современной психологии в принципе отсутствует единая методология. Эта наука представлена в виде различных научных школ, базирующихся подчас на взаимоисключающих друг друга подходах, концепциях, методах к пониманию и изучению человека, его психики, основных побудительных сил, мотивов поведения и т.д. Например, представители бихевиоризма не включают сознание в предмет психологии, полагая, что ее предметом является поведение человека [4]. Именно поэтому существующая «психологическая» концепция вины и соответствующие ей нормы уголовного закона изначально не имеют стабильных методологических, в первую очередь мировоззренческих основ.

Аналогично вышеуказанному подходу к разработке новой методологии юриспруденции в качестве первого шага по разработке проблемы вины в уголовном праве и правоведении в целом автор предлагает определить хотя бы одно положение (элемент содержания вины), общее для всех ее основных концепций, существующих ныне. Даже поверхностный анализ трех основных школ вины позволяет констатировать, что этим общим положением, элементом является субъект, личность. С позиций гуманистической методологии — это человек как биосоциальное существо, находящийся на вершине эволюции

планеты Земля. Действительно, нет человека — нет субъекта, нет личности и, конечно, нет вины и уголовной ответственности, некому предъявлять обвинение и судить. Это очевидный факт [5]. Именно человек, а не субъект права. Почему? По той причине, что, не исследовав суть человека под углом зрения решения задач юриспруденции, невозможно понять сущность вины, как и других базовых категорий. Этот тезис актуален для всех концепций вины, в особенности для психологической школы, использующей в качестве ключевого понятие психического отношения. Термин «психическое отношение» имеет смысл только по отношению к человеку. Вряд ли он уместен применительно к юридическому лицу. Например, психическое отношение какого-нибудь унитарного предприятия или общества с ограниченной ответственностью к содеянному. Думается, именно поэтому законодатель, не мудрствуя, воспроизвел «психологическое» определение вины физического лица из уголовного закона в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь. Однако применительно к вине юридического лица КоАП предлагает принципиально иной подход. В связи с этим возникают серьезные методологические противоречия, устранение которых лежит за рамками предметов отраслевых юридических наук [6].

Разумеется, рассмотрение сути человека — глобальная задача. Однако даже в рамках одной научной статьи мы можем определиться с методологическим подходом к ее решению. В качестве основной гипотезы по данной проблеме гуманистическая методология предлагает рассматривать человека как существо, представляющее собой единство души и тела [7].

Такой подход полностью соответствует всеобщему диалектическому методу познания, который, как известно, рекомендует изучать объекты в единстве всего многообразия составляющих их элементов. Мы предлагаем выделять в человеке две стороны существования: материальную, видимую, внешнюю — жизнь тела и духовную, невидимую, внутреннюю — жизнь души. Разумеется, данное деление, как и всякая классификация, условно. Тело не может существовать без души, а душа — быть материализованной без тела. Такой подход к пониманию сути человека был абсолютно естественным вплоть до середины XIX в. Впоследствии в силу бурного развития промышленности и соответствующих технологий ученые сконцентрировались на материальной стороне существования, оставив духовность на усмотрение религии [8]. Применительно к психологической школе вины и науке психологии отметим, что принятие учеными факта наличия человеческой души — абсолютная необходимость. В противном случае отрицается наличие самой науки, ее предмета (психологии) и понимание вины как психического отношения. Общеизвестно, что психология происходит от древнегреческого ψυχή — «душа» и λόγος — «учение». Наука о душе не может отрицать душу. Соответственно и психологическая школа вины обязана признать факт наличия души. В противном случае вся эта красивая «психологическая» терминология просто теряет смысл. Какое может быть психическое отношение без принятия «психе»?

Говоря о психическом отношении (вине) с позиций конкретного индивида, автор рассматривает его как ре-

акцию души в виде тех или иных вибраций, эмоций, мыслей, действий на деяния тела. Отношение — это вид реагирования. Оно, условно говоря, может быть позитивным, негативным либо нейтральным. Важно, что любая реакция всегда связана с оценкой ситуации, другого человека, предмета, процесса, иных объектов. Нет объекта — нет реакции, нет отношения. В свою очередь оценка — это всегда осознаваемое или неосознаваемое сравнение того или иного объекта с эталонными критериями, которыми руководствуется субъект, т.е. человек. В контексте сказанного оценочная концепция вины представляется более предпочтительной для объяснения механизма внутренней реакции человека на совершенное им деяние.

Психическое отношение, или отношение души (психе), проявляется через призму совести. В этом плане совесть — голос души. Чувство вины люди не зря называют угрызениями, муками совести. Известно, что маленькие дети прекрасно знают, когда они поступают плохо, а когда нет. Здесь мы можем наиболее отчетливо наблюдать голос совести. По мере взросления эта врожденная способность постепенно уступает место интеллектуальным оценкам, а не духовным. Критерии совести, будучи переведенными в вербальную форму, лежат в основе норм общественной и религиозной морали, включаются в образовательный процесс, а также иные формы общественной и государственной жизни. В своей жизнедеятельности люди руководствуются различными видами морали. И наконец, право как средство регулирования поведения человека, в той или иной степени также используется человеком для оценки своих деяний. Особо подчеркнем, что право, его предписания как критерии оценки человеком своего поведения, как правило, играют вспомогательную роль по отношению к совести и морали. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, процессом эволюции человека, его становления. В этом плане совесть является врожденным регулятором поведения, она первична. Затем по мере взросления человека развивается система морали (которая может в большей или меньшей степени соответствовать исходным нормам совести) и лишь после наступает черед правовых норм. Как известно, полное соответствие последних нормам совести и морали вряд ли возможно. Во-вторых, элементарным незнанием большинством населения как конкретных правовых норм, так и принципов права. В-третьих, исторической тенденцией правового нигилизма на постсоветском пространстве. В-четвертых, гипердинамичностью законодательства страны, то есть наличием большого количества вновь принятых, а также поправок и дополнений в действующие нормативные правовые акты. Таким образом, возвращаясь к трактовке вины сторонниками психологической школы, мы видим, что в основе психического отношения человека к содеянному (вина) лежит реакция души на действия тела. Эта реакция является следствием оценки душой деяния через призму совести, морали и права. В реальной жизни речь идет о чувстве вины, т.е. осознаваемом или неосознаваемом болезненном переживании, которое в той или иной мере знакомо каждому человеку как угрызения совести. Именно так видится базовый методологический уровень вины применительно к конкретному человеку. Здесь мы

имеем дело с комплексом тонких и сверхтонких процессов и механизмов, имеющих место в системе каждого человека, которые практически не изучены современной наукой.

В силу сказанного, а также по иным основаниям позиции сторонников психологической школы вины видятся автору уязвимыми и непродуктивными. Для того чтобы установить вину, орган уголовного преследования, суд должны установить, что происходило в душе у человека на момент совершения уголовно-наказуемого деяния, каково было его психическое отношение. Реально ли это не только для указанных субъектов, но и вообще для кого бы то ни было? Возможность такой ретроспекции на существующем уровне развития науки и техники представляется не более чем смелой научно-популярной фантастикой. В таком случае правомерно ли говорить о вине как основании уголовной ответственности с позиций действующего уголовного закона? Думаю, нет.

Вторым обстоятельством, ставящим под сомнение обоснованность положений психологической школы, является рассмотрение вины в качестве родового понятия к двум ее основным формам (умыслу и неосторожности), в основе которых лежит так называемый интеллектуально-волевой момент. Общеизвестно, что интеллектуальный момент правоведа связывают с осознанием человеком своих противоправных действий и возможности наступления общественно опасных последствий, а волевой — с желанием их наступления. С позиций методологического анализа важен ряд моментов. Во-первых, терминологический. Господствующая национальная уголовно-правовая доктрина рассматривает интеллектуальный момент как осознание субъектом противоправного характера своих действий, фактических обстоятельств деяния и т.п. Ключевое слово здесь «осознание». Таким образом, получается, что интеллект как бы предшествует сознанию, является родовым понятием по отношению к нему либо его синонимом. Иными словами, сначала интеллект, потом сознание либо интеллект равен сознанию. Но это не так. Дело в том, что интеллект и сознание — два тесно связанных между собой, но далеко не идентичных явления. Именно сознание как способность к отражению является врожденным человеческим качеством, в то время как интеллект — приобретенным. Интеллект — это объем усвоенной человеком информации и способность оперировать ею. В этом плане сознание первично, а интеллект вторичен. Данные понятия не равнозначны и в области внутреннего мира человека. В связи с этим говорить об осознании (сознании) как о некоем сугубо интеллектуальном процессе не вполне обоснованно.

Второй аспект нашего анализа форм вины — праксиологический. В практическом судопроизводстве нередки случаи, когда при совершении преступлений в состоянии, например, сильного алкогольного или наркотического опьянения, сильного душевного волнения и тому подобных кондиций человек может вообще не помнить, что он делал. В момент деяния его сознательный уровень был заблокирован (сильно ограничен), интеллект выключен. Другим примером являются ситуации, когда человек объективно не знал о существовании уголовно-правового запрета на то или иное деяние. Допустим, он при-

ехал в Беларусь из страны, где наркотики легализованы и имел их при себе. Скорее всего, такой человек не будет чувствовать вины за совершенное им преступление. В аналогичное затруднительное положение может также попасть белорус, например в исламских странах, где существуют жесткие ограничения на употребление алкоголя. Таким образом, говорить о вине в этих и подобных случаях с позиций действующего национального законодательства нельзя по причине отсутствия корректного осознания обстановки, то есть интеллектуального момента. Однако в подобных ситуациях правоведа как бы забывают об интеллектуальном моменте вины, решение по делу выносятся как будто бы человек, находившийся в беспомощности, осознавал характер и обстоятельства своих действий, отдавал себе отчет в них. Абстрагируясь от проблемы вины, отметим, что осознанность человеком своих действий означает его постоянные включенность, присутствие в текущем моменте, что предполагает спокойствие ума. Однако основную массу действий люди совершают механически, неосознанно, автоматически, без контроля ума. Они словно ведомы внутренними программами и, значит, несвободны в своем поведении. В подтверждение сказанному каждый может провести простой эксперимент: удобно сесть, закрыть глаза и спокойно посидеть так в течение некоторого времени, наблюдая за тем, что происходит в это время в уме, какие мысли, желания, эмоции присутствуют и т. д. Если вы осознанный человек, отсутствие деятельности и зрительных впечатлений вскоре должно привести ваш ум в аналогичное состояние покоя, безмятежности «неделания». Однако могу с уверенностью предположить, что почти у всех участников эксперимента мыслей в голове будет много и очень разных, ум будет беспокойным. Таким образом, это еще раз свидетельствует в пользу того, что говорить об осознании человеком обстоятельств деяния, его противоправного характера можно лишь с большой долей условности. Особенно это касается ситуаций измененного сознания, в которых контроль сознательной части ума за действиями тела снижен или отсутствует.

Третий момент методологических издержек учения о формах вины проявляется при анализе термина «воля», который активно используется как в общей теории права (например, воля народа, государственная воля), так и в отраслевых юридических науках. Однако его содержание практически не раскрывается в отечественной юриспруденции. Содержание термина «воля» скромно обходят стороной. Такое положение методологически ущербно. Автор данной статьи провел очень простой опрос. Его респондентами выступали люди, имеющие высшее юридическое образование, а также студенты (курсанты) юридических вузов. Им задавался только один вопрос: как вы понимаете термин «воля»? Большинство участников опроса (77,5 %) определяли волю как желание либо то, что лежит в его основе. Встречались и иные трактовки: например, воля — это переживание человека, способность контролировать эмоции и т. д. Около 19 % опрошенных затруднились ответить на вопрос. Отсюда следует очень важный вывод: по сути, содержание термина «воля» неизвестно 100 % опрошенных, оно верно не идентифицируется ими. Респонденты — люди, которые занимаются

либо будут заниматься тем или иным видом юридической практики, в том числе участвовать в расследовании уголовных дел, отправлении правосудия. Возникает закономерный вопрос о качестве правосудия, определения виновности, о вынесении наказания и тому подобных моментах по причине методологической сложности и неразработанности категории «воля» применительно к институту юридической ответственности, а также в целом в теории права. Исследования автора по данному вопросу позволяют определить волю как реальную психическую энергию, обеспечивающую реализацию человеком своих решений. Воля — это, образно говоря, топливо внутреннего механизма реализации человеком принятых решений. Без участия воли потребности, желания, решения будут оставаться в лучшем случае намерениями, но никак не действиями. Например, у вас возникло желание сходить в гости, но на улице холодно и сыро, а автомобиль стоит в километре от дома. Дома тепло и сухо. Вам лень выходить из дома, вы остаетесь. Пример банально прост, но верно отражает диалектику понятий желания и воли.

В случаях совершения преднамеренных преступлений, когда четко прослеживаются стадии подготовки и совершения преступления, включая сокрытие его следов, а также при совершении длящихся преступлений, преступной деятельности вопрос об осознанности и направленности воли правонарушителей на достижение преступного результата отчасти понятен. Однако если преступления совершаются по так называемому внезапно возникшему умыслу, проблема интеллекта и воли встает особенно остро. О каком отношении к деянию, последствиям может идти речь в случаях, когда человек сначала делает и лишь потом думает, начинает осознавать, что он сделал, каковы последствия его действий. Строго говоря, с позиций действующего уголовного закона он невиновен, так как его психическое отношение (вина) к обстоятельствам и последствиям деяния на момент его совершения было не сформировано, не определено. Воля включилась автоматически как типовая реакция на внешний раздражитель, без участия сознания и интеллекта, неосознанно. В данном случае мы затронули очень интересный вопрос — осознанный контроль волей, развития силы воли. Однако этот вопрос выходит далеко за рамки настоящей статьи. Отметим лишь, что потенциально воля присутствует у каждого человека, но уровень ее сознательного использования различен для каждого индивида. Неконтролируемый поток воли лежит в основе генезиса импульсивных (по внезапно возникшему умыслу) преступлений.

Уголовный закон нашей страны формулирует понятие вины только с позиций лица, совершившего противоправное деяние. Однако насколько правомерен такой подход в принципе? Методологически он выглядит несколько абсурдным, так как психическое отношение лица в момент совершения преступления, а значит, духовное, глубоко внутреннее, сокровенное необходимо установить по косвенным, неоднозначным признакам, ведь «чужая душа — потемки». Реальна ли такая задача? Как уже отмечалось ранее, ответ скорее отрицательный. Чисто теоретически, когда обвиняемый, подсудимый полностью сотрудничает со следствием, в достаточном

количестве имеются очевидцы и иные свидетели происшедшего, есть определенные шансы разобраться с психическим отношением к содеянному, обстоятельствам и последствиям. Но такие ситуации редкость. По этой причине установление вины с позиций психологической школы выглядит как некая сверхзадача, которая практически не может быть реализована. Здесь следует проанализировать механизм установления виновности органами уголовного преследования, проследить внутреннюю логику этого процесса, какие действия совершаются при установлении вины.

Первый и наиболее важный момент любого расследования — это нахождение человека, совершившего уголовно наказуемое деяние. Второй момент, который в некоторых случаях предваряет первый или решается параллельно с ним, — выяснение обстоятельств происшедшего события. Это необходимо для его оценки с позиций норм уголовного закона, то есть для ответа на вопрос: имело место уголовно наказуемое деяние или нет? Если имело место преступление, встает главный вопрос расследования: кто его совершил? Иными словами, кто организовал, кто исполнил, кто еще участвовал. При установлении вероятного кандидата (подозреваемого) собирается информация, подтверждающая его участие в совершении преступления либо опровергающая это. При наличии достаточных доказательств, подтверждающих либо опровергающих совершение преступления конкретным человеком, органы предварительного расследования, прокурор, суд делают вывод о его виновности или невиновности. При этом во внимание принимаются указанные в уголовном законе обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Это принципиальная схема процесса установления виновности, его внутренняя логика. Вопрос к обвиняемому, подсудимому «признает ли он себя виновным?» означает не что иное, как вопрос о согласии человека с содержанием заявленных к нему претензий в связи с нарушением уголовного закона. Признание или непризнание им предъявленной к нему претензии, как правило, не является главным при определении степени его вины и назначении наказания. Более того, возможны случаи, когда человек признает, что совершил инкриминируемое ему деяние, но не считает себя виновным. Таково его психическое отношение. Он полагает, что поступил по совести, в соответствии с нормами морали. В подобных случаях при прочих равных условиях его ждет обвинительный приговор. Но как быть с виной, то есть психическим отношением человека, которая, с его точки зрения, отсутствует. Получается, что реальное психическое отношение к обстоятельствам содеянного (вина) обвиняемого, подсудимого мало кого волнует при вынесении судебного решения. Главное — установить факт совершения им преступления и отсутствие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Следовательно, вина, которую устанавливает суд, не есть психическое отношение подсудимого к содеянному. Иными словами, применительно к человеку, совершившему преступление, мы имеем феномен вины, чувство вины как то или иное переживание в связи с совершением уголовно наказуемым деянием. Это нельзя отрицать. Данный феномен закреплен в уголовном законе и выступает в каче-

стве основания уголовной ответственности конкретного лица. Однако орган расследования, прокурор, суд объективно вынуждены руководствоваться иным пониманием вины, которое отличается от легального. С их позиций вина (виновность) означает, во-первых, оценку совершенного деяния с позиций норм уголовного закона и, во-вторых, оценку собранных по делу фактических данных, подтверждающих либо опровергающих совершение конкретным человеком данного деяния.

Таким образом, налицо явное противоречие между легальным определением вины, данным в ч. 1 ст. 21 УК Республики Беларусь и реальным положением дел, внутренней логикой процесса расследования и судебного

рассмотрения уголовных дел. Данное противоречие является следствием хронических методологических пробелов в правовой доктрине в целом и уголовно-правовой в частности.

В завершение следует отметить, что масштабность вины как правового явления, история ее развития в правовой доктрине и законодательстве позволяют в рамках одной статьи лишь обозначить некоторые основные методологические проблемы и противоречия, стоящие перед юридической теорией и практикой. Автор рассматривает данную работу как первый шаг в организации широкой научной дискуссии по этой и иным проблемам создания новой методологии белорусской юриспруденции.

Список использованных источников

1. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. — Минск : Тесей, 2012. — 366 с.
2. Шиенок, В. П. Мироззренческие и иные проблемы создания новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2011. — № 1. — С. 159–164.
3. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. — М., 2003. — 64 с.
4. Об основных научных школах и направлениях психологии см.: школы, направления, концепции в психологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psyznaiyka.net/view-predmet.html?id=shkoly-napravleniya-konceptcii>. — Дата доступа: 04.05.2015
5. Шиенок, В. П. Проблема новой методологии юридической науки и сущность права / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2013. — № 1. — С. 149–152.
6. Шиенок, В. П. Административная ответственность юридических лиц / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2007. — № 2. — С. 68–73.
7. Шиенок, В. П. Человек как исходный пункт новой методологии белорусской юриспруденции / В. П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. — 2012. — № 1. — С. 163–168.
8. Штайнер, Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности / Р. Штайнер. — Ереван : Ной, 1991. — 60 с.

08.05.2015

УДК 342.4

К. Л. ТОМАШЕВСКИЙ, М. Ф. ЧУДАКОВ

КОНСТИТУЦИЯ И ИНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТРУДОВОГО ПРАВА БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Законодательная регламентация и последовательное построение системы источников трудового права имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Последнее проявляется в разумной систематизации норм трудового права, обеспечении их согласованности, а значит, гарантиях правильного толкования и применения. В случаях, когда практикой выявляются пробелы и коллизии в правовом регулировании трудовых и связанных с ними отношений, приходится применять аналогию закона, аналогию права или коллизионные нормы трудового права. С целью выявления позитивных подходов, представляющих интерес для возможного учета и заимствования в законодательстве о труде Беларуси, сравниваются системы источников трудового права Беларуси, Украины и отчасти России.

The legislative regulation and harmonious creation of the system of sources of labor law has not only theoretical, but also important practical value. The last is shown in reasonable systematization of standards of labor law, ensuring their coherence, so, guarantees of the correct interpretation and application. In cases when practice gaps and collisions in legal regulation of the labor and related relations come to light, it is necessary to apply analogy of the law, analogy of the right or conflict standards of the labor law. For the purpose of identification of the positive approaches which are of interest to the possible account and loan in the legislation on employment of Belarus, the systems of sources of the labor law of Belarus, Ukraine and partly Russia are compared.

Доктринальные разработки

Проблемы источников и системы трудового права активно разрабатывалась учеными-трудовиками как в советский период (В. И. Смолярчук [1], М. В. Молодцов [2] и др.), так и в период независимости России и Украины.

Например, в России защищены две докторские диссертации (В. И. Мироновым на тему «Источники российского трудового права: теория и практика», Г. В. Хныкиным на тему «Локальные источники российского трудового права: теория и практика применения») и на их базе изданы